

Вячеслав Еропов

Дом слез

история любви, которая
победила смерть

16+

Вячеслав Еропов

Дом слёз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63819211

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98806-4

Аннотация

Дом слёз – это особое место, куда попадают мертвые люди. Дайте угадаю, вы наверняка думали, что после смерти нет ничего? Спешу вас обрадовать, так легко вы от Юргена Лаоса не отделаетесь.

Меня зовут Колин Вуд. Я живу в маленьком городке Невероне на краю Америки. Каждый год у нас пропадают десятки людей. В прошлом году пропал Джон. Дом выпил его за десять месяцев. В этом году пропал я. Как думаете, сколько времени мне удастся выиграть? Кстати, о своем возрасте я предпочитаю не распространяться малознакомым людям. Прочитайте хотя бы треть моей истории, тогда я вам начну доверять. Под конец, возможно, даже открою страшные тайны своего маленького городка, где и находится загадочный дом слёз.

Содержание

Колин Вуд	5
Один день в мастерской	16
Лампочки Неверона	26
Обитель монстров	34
Дом слёз	47
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Вячеслав Еропов

Дом слёз

Вас когда-нибудь преследовало чувство, что вы находитесь в замкнутом пространстве и не можете выбраться наружу? Нет, я не имею в виду домашний арест из-за пачки сигарет, найденной в вашем кармане. Это совершенно другое. Меня зовут Колин Вуд. О своем возрасте я предпочитаю не распространяться малознакомым людям. Прочитайте хотя бы треть моей истории, тогда я вам начну доверять. Под конец, возможно, даже открою страшные тайны своего маленького городка Неверона, где и находится дом слез. Но давайте обо всем по порядку, замедлим пульс повествования. Отмотаем пленку и вернемся в то время, когда я еще жил с родителями.

Колин Вуд

Мама говорит, что ночью по нашему городу бродят монстры, поэтому заставляет меня ложиться спать до одиннадцати. Я ей не верю. За кого она меня принимает? Это ведь очередная выдумка для устрашения мнительных детишек. Однажды мы проезжали мимо бара со странным названием «Удильщик Неверона». Случайно заметив его, мама что есть сил надавила на педаль, разогнав машину под сотню! Интересно, кто еще из нас мнительный. Ничего не поделаешь с этими родителями.

Я живу в небольшом доме на самой тихой улице Неверона. Сюда не то что монстры, даже люди не заглядывают. Идеальное место, чтобы провести лето перед началом изнурительного учебного года. Все было заранее спланировано. Стопка старых книг ждет меня на прикроватной тумбочке. Рядом лежат яблоки, налитые июльским жаром. Комната надежно закрыта, а я защищен от непрошенных гостей.

И вот я уже вдыхаю аромат сирени, цветущей под окном. Надкусывая яблоко, ощущаю во рту приятный холодок. Сухие страницы шелестят под пальцами...

Как вдруг с первого этажа доносится:

– Колин, ты опять не доел завтрак! Для кого я готовила?

Это моя мама, человек-пулемет. Тра-та-та-та. Перевела дыхание. Перезарядилась. И снова стрелять: «Колин... тра-

та-та. Колин, опять... тра-та-та». Вам лучше этого не слышать.

– Миссис Вуд, я ничего не понимаю. Не могли бы вы повторить чуть громче?

Мама быстро поднимается на второй этаж, стучит в дверь. Если я не открою, меня точно расстреляют.

– Будешь язвить, отправлю тебя к тете Розвуд, – процедила она сквозь зубы. – Открывай.

– Да, миссис Вуд.

Тетя Розвуд – настоящая пороховая бочка в сто двадцать килограмм, вспыхивающая при малейшем упрямстве со стороны мальчишек. Никакие монстры с ней не сравнятся. Что-то, а угрожать мне родители всегда умели. Я лениво открываю дверь, встречая негодующий взгляд мамы.

– Хватит называть меня миссис Вуд, – строго предупреждает она. – Ты обещал помочь отцу.

– Я помню. Но ведь сейчас только утро, а он возвращается в полдень.

– Выходит, ты свободен?

Мама берет меня за руку, и мы спускаемся по ступенькам прямым ходом на кухню в царство немытой посуды. Как вы уже догадались, в этом доме я – местный Посейдон. Все работы, связанные с водой, на мне.

– Съешь манную кашу и прибери за собой, – продолжает наступать мама. – А я схожу в магазин. Нужно успеть приготовить лазанью к возвращению твоего отца. И сходи наконец

к парикмахеру, я устала собирать с пола твои отростки.

Мама любит готовить. А я, разумеется, просто обожаю мыть посуду. Вместе мы отличная команда, которая работает на папу. По этой же причине нам совсем не хочется появляться на первом этаже. Спальня родителей рядом с моей комнатой, через стенку, и они постоянно выясняют отношения. Мне уже не десять лет, чтобы непрекословно выполнять все их указания (попробуйте угадать мой возраст, в дальнейшем эта информация вам пригодится). Так вот, с недавнего времени мой возрастной статус позволяет еще немного пофасонить и даже закрыться у себя в комнате.

Но манную кашу я все-таки съем. У нас далеко не самая богатая семья, чтобы выкидывать еду. Каждые полгода на город обрушивается ураган и уносит около двадцати человек на тот свет. В этом году он разрушил мастерскую отца, прошел в нескольких метрах от нашего дома. Как я молился, чтобы этот ураган когда-нибудь забрал с собой школу. К сожалению, Неверон – не город чудес. Так что каждый день с трех до семи часов я помогаю отцу восстанавливать мастерскую, которую он недавно переименовал в гараж (да, нам хватило денег на подержанный автомобиль).

Со сверстниками почти не общаюсь. Так вышло, что персонажи книг куда интереснее людей, которые меня окружают. Либо в этом замешана магия писателей, либо мои одноклассники – очередная ошибка природы. В позапрошлом учебном году они подожгли волосы рыжему парню, чтобы

тот походил на Джонни Шторма из «Фантастической четверки». Этих ребят всегда было сложно контролировать, но в последнее время они стали чересчур жестокими. Ну вот, говорю уже как пятидесятилетний старик, всем-то недоволен. На самом деле у меня просто хорошо развиты зеркальные нейроны, которые отвечают за эмпатию. Я прочел о них в одной из книг Иоахима Бауэра. Кстати, некоторые ученые сходятся во мнении, что большинство психических отклонений – это нарушение функции зеркальных нейронов. Может, все мои одноклассники больные, а я просто попал не в ту школу?

Однако с учителями у меня тоже не все гладко. Я наотрез отказываюсь читать старую литературу, которую суют под нос, вроде Шекспира и Твена. К Чарльзу Диккенсу разве что у меня нейтралитет, но как же раздражают его идеальные и безупречные персонажи, которые не меняют своих убеждений после многочисленных унижений и гонений. Так в жизни не бывает, это сказки. Я не верю этим авторам. А возьмем математику? Зачем изучать логарифмы, когда их можно посчитать с помощью калькулятора? Жизнь – это форма времени. А наше образование застряло в прошлом. Учителя не понимают, что сейчас нужно читать другую литературу, решать уравнения иными способами.

Что-то я разошелся, пока мыл посуду. Со мной такое бывает, не обращайтесь внимания. Я заранее знал, что от меня требовалось в мастерской, поэтому незамедлительно выдвинулся в сторону маленького магазинчика строительных ма-

териалов, расположенного на соседней улице. Отец вернется через три-четыре часа, я даже успею завязать нервы в узелок и заглянуть в городской парк. Целая миля пешком ради монтажной пены и герметика? Все-таки я был для этого создан родителями.

Город, сотканный из тишины, только-только начинал просыпаться. Ветер еще не успел разогнать облака, воздух – наполниться запахом цветов, солнце – сжечь сухую траву. Утром сложно выйти из дома. Ноги вязнут во влажных тенях. Прохожие растекаются по асфальту, идут на работу, поддаваясь слабому пульсу Неверона, его неспешному ритму. Быстро добраться до магазина не получится. Только не утром. Добрых полчаса я шатался возле городского парка, любуясь низкорослыми деревьями и миниатюрными фонтанчиками, пока поднявшийся ветер не выбросил меня на улицу Дифирамб прямо к порогу строительного магазина. В нос тут же ударил запах бензина и едких моющих средств.

Внутри оказалось совсем пусто и бедно, ни одного человека, кроме самого продавца – старого мужчины в потрепанной клетчатой рубашке и дешевых джинсах клеш. Я его знаю. Это Спенсер Форд, отец моего бывшего одноклассника, пропавшего без вести год назад. Когда Спенсер потерял сына, дела у него стали совсем плохи, сейчас он едва сводит концы с концами. Надеюсь, ураган никогда не разрушит этот небольшой магазинчик, иначе Спенсеру придется искать новую работу, а в нашем городе найти ее очень непросто.

– Доброе утро, мистер Форд, – поприветствовал я, придерживая входную дверь. – Вы не можете? Мне нужна монтажная пена и огнеупорный герметик за два доллара.

Спенсер направил на меня растерянный взгляд, потом оглянулся по сторонам, словно не понимая, где находится.

– Мистер Форд?

– Да-да, – слабым голосом отозвался он. – Заходи, Колин. Посмотрим, что у нас есть.

Он медленно, прихрамывая, поковылял в кладовую и спустя пару минут принес стремянку.

– Ох, только один тюбик остался, – тяжело проговорил Спенсер. – Придется лезть наверх.

– Предоставьте это мне.

Я поднялся по стремянке и потянулся к последнему тюбику герметика, приняв позу парашютиста, готового самоотверженно спикировать на землю. Вы не замечали, что все важное постоянно находится в недоступных местах? Наша жизнь подчинена какому-то вселенскому абсурду.

– Готово, – весело сказал я. – Может, вам что-нибудь спустить вниз? Тут еще остались сверла и фрезы.

– Нет-нет, они нерабочие. Я их специально туда положил. Спускайся, Колин.

Вернувшись на землю и встретив потерянный взгляд Спенсера, я тут же растерял радостное оживление. Все-таки зеркальные нейроны – удивительная штука. Да, эту важную часть мозга я называю «штукой». Штука, которая делает нас

людьми.

– Монтажная пена и огнеупорный герметик, верно? – уточнил мистер Форд. – За все два доллара.

Я встал на носочки, вынул помятую двухдолларовую купюру из кармана и положил ее на огромный стол рядом со счетной машинкой, чтобы Спенсеру не пришлось далеко тянуться. Уголки его губ дрогнули, и он неожиданно спросил:

– Готов к новому учебному году, Колин? Каникулы подходят к концу.

Обычно Спенсер ни с кем не начинает диалог, и люди ему отвечают тем же. Нужно отметить, что и со мной никто не общается...

Ла-а-а-дно, я обманываю, пытаюсь выставить себя в выгодном свете. Давайте начистоту. Я. Ни. С кем. Не. Общаюсь. Мы со Спенсером – два продавца в круглосуточном аттракционе под названием «странная жизнь». Один сменяет другого, когда рабочее время заканчивается. Тысячи людей проходят мимо, берут билеты и отправляются в незабываемое путешествие. Тысячи людей сходят с ума, подлетая в воздух на «орбите амбиций» или в «стратосфере желаний». Тысячи людей... а мы стоим с кислыми минами и со стороны наблюдаем за этим безобразием. Мы легко можем продать билет в другой мир, но сами туда ни за что не сунемся. Да, мы боимся всех этих сумасшедших аттракционов. Я понимаю Спенсера как никто другой, потому что Спенсер – это я.

– Не знаю, мистер Форд. Школа мне не нравится. Лучше

бы я работал по восемь часов вместе с вами, чем учил логарифмы и пределы. Миссис Вуд состоит в родительском комитете с другими незанятыми мамочками, мечтающими получить грамоту за активную работу с учениками. И никому до меня нет дела. Отец пропадает на работе, а в свободное время занимается машиной. За стеной постоянно слышны крики о коробке передач и о плохих машиностроителях. А я все это слушаю и думаю: может, мне стоило родиться травоядным животным и жить в Каролинском лесу, скрываясь от браконьеров и хищников?

Мистер Форд сделал движение двумя пальцами, подзывая меня поближе.

– Ты кому-нибудь рассказывал об этом?

– О чем? – недоуменно спросил я. – О том, что хочу жить в лесу?

Спенсер кивнул.

– Нет, – быстро ответил я. – Родители не поймут, и тогда появится еще больше проблем. Психологи, собрания, кружки всякие.

– Говори чуть тише, – попросил Спенсер, оглянувшись по сторонам. – Нас могут услышать.

– Кто?

– Разведчики. Лампочки Неверона. Загораются преимущественно ночью, но и днем никуда не исчезают...

– Лампочки Неверона? – переспросил я. – Никогда о них не слышал.

Мне стало очень неловко. Бедный Спенсер. Совсем потерял связь с реальностью. Но что я мог сделать? Сказать старику, что мне пора идти? Это было бы очень грубо.

– Они забрали моего Джона, – шепотом продолжил Спенсер. – Они его забрали, Колин...

– Джона забрали? Куда?

Спенсер помолчал секунду, затем наклонился ко мне и прошептал на ухо:

– В дом слез.

Дом слез.

Дом слез.

Дом слез.

– Они забрали Джона... Они его не отпустят раньше срока, – произнес прерывисто Спенсер. – Запомни, Колин, никогда не выходи на улицу ночью. И берегись огней. Они следят... за каждым следят и не остановятся, если узнают...

– Что узнают? – шепотом спросил я, чувствуя, как по рукам пробегают мурашки.

– Сомнения... Если у тебя есть сомнения, они это обязательно узнают.

Внезапно открылась входная дверь

Спенсер быстро схватил меня за запястья, притянул к себе. В магазин проник запах тухлой рыбы и болотного ила. Воздух наполнился влагой, прохладный ветер поднял мои волосы вверх. Сзади прозвучал странный голос, такой металлический, до скрипа противный:

– Вам пос-с-сылка от Виктора Бормана.

Мистер Форд дал мне сигнал, чтобы я не вздумал оборачиваться. Загадочный посетитель подошел к нам вплотную. Спенсер крепко прижал мое лицо к своему телу. Но одним глазом я все-таки успел заметить склизкую длинную руку посетителя, тянущуюся через огромный стол. Мертвенно-бледную руку утопленника, с темно-синими пятнами. Зловоние ударило в нос. Казалось, меня с головы до ног облили застоявшейся водой.

– Виктор будет ждать вас-с-с в «Удильщике Неверона» завтра в полночь. Не опаздывайте.

Произнеся это, посетитель удалился с невероятным скрипом и скрежетом, оставив после себя лужицы неизвестной субстанции по всему полу – от входной двери до стола. Мне стало совсем жутко.

– Кто это был? – тихо спросил я, все еще держась руками за мистера Форда. Тот посмотрел на меня с опаской.

– Тебе лучше не знать, Колин. Я уже и так много разболтал... иди домой и постарайся не оборачиваться.

– Разболтали? Но этот человек...

– Нет, Колин. Это не человек. Ты ведь понимаешь, что я имею в виду?

Я ошеломленно попятился назад, ступив ногой в склизкую лужу. Мне это все мерещится из-за того, что я надышался алкидной краской. «Удильщик Неверона», мама тогда испугалась этого заведения. Вы помните? У меня прямо мол-

ния в голове вспыхнула.

– Иди домой, Колин. Пожалуйста, забирай герметик, пену... иначе тебя заметят... и тогда точно заберут.

– Хорошо.

Миновав минное поле, оставленное загадочным посетителем, я изо всех сил побежал домой, прижав к груди герметик с монтажной пеной. У Спенсера странные знакомые. Да и сам он, похоже, совсем из ума выжил. Лампочки Неверона, дом слез, это похоже на страшный сон.

Один день в мастерской

Никогда бы не подумал, что работа в мастерской спасет меня от навязчивых мыслей о монстрах. Часто нам говорят о том, что нужно ценить каждый миг, проведенный с родителями. Так вот, я ценю. Стою возле папиного форда и смиренно улыбаюсь, испачканный с ног до головы в машинном масле. Масло применяют для снижения трения между движущимися деталями поршневых и роторных двигателей внутреннего сгорания. Поэтому в него добавляют модификаторы трения, а также защитные присадки, наделяющие противозадирными и противоизносными свойствами. Ну как по-вашему, готов я к вступительным экзаменам?

Отец: Колин пойдет учиться в институт машиностроения!

Мама: Колин станет первоклассным юристом в Невероне!

Колин: Я хочу жить в лесу...

У меня внутри с недавнего времени поселилось такое съедающее чувство, будто на самом деле это я – ошибка природы. Будто там, наверху, всем смертным хорошо прописали характер, логичное поведение, мотивацию, а на меня просто не осталось божественных чернил.

– Колин, не стой как истукан, – сказал отец. – Подай мне ключ на восемнадцать.

Ключ на восемнадцать. Я каждый день подаю ключ на восемнадцать.

– Снова воздушный фильтр забился? – с поддельным интересом спросил я. – Недавно ведь проверяли.

– Неполомки с холостыми оборотами. Думаю, да, стоит еще раз взглянуть на фильтр.

Иногда мне кажется, что у отца нет других увлечений, кроме бесконечной возни с машиной. С этим старым фордом образца девяносто восьмого года. Мне больно смотреть, как отец каждый день капля за каплей выливает свое драгоценное время в канистру с бензином, чтобы потом залить чудодейственную смесь в проклятую машину. Залить. Воспламенить. Сжечь. И вот уже время отца вылетает в выхлопную трубу вместе с углекислым газом, растворяясь в воздухе. Если меня в будущем спросят, как умер отец, я отвечу – в двигателе внутреннего сгорания.

– Папа, у тебя никогда не возникало ощущения, что наш мир работает неправильно?

Отец недоуменно взглянул на меня.

– Интересно, как он может работать неправильно? – спросил он. – Может, и океан тогда работает неправильно?

– Океан?

– Да, океан.

Вопрос отца озадачил меня.

– Но... разве океан похож на нашу жизнь?

Отец рассмеялся.

– Разумеется, похож! Океану плевать, как он работает. Он просто есть, и все тут.

– А те, кто в нем обитают? Разве им плевать?

– Им – особенно. А что они могут сделать с океаном? Выпить его? Жизнь такая штука, приходится шевелить плавниками. Ведь если утонешь, всем будет что? Правильно. Наплевать. А некоторые даже обрадуются. Большая рыбка всегда ест маленькую рыбку.

– Обрадуются чужой смерти?

– Да-а, – устало протянул отец. – Меньше конкуренции.

Ну и ну, радужные перспективы вырисовываются.

– Не хочу я жить в этом океане, – коротко заключил я.

Отец вновь залился смехом.

– Не бери в голову, – с улыбкой добавил он. – Это я образно говорю.

Раз уж зашла речь про образы, может, спросить о монстрах? Хоть мне и запрещают поднимать эту тему, стоит попробовать.

– Папа, ты что-нибудь знаешь о лампочках Неверона?

– Лампочки Неверона? Первый раз слышу, – ответил отец, отбрасывая в сторону подшипники.

– А о доме слёз?

Отец высунул голову из капота машины, подозрительно глянул на меня.

– Ты что, вчера нарезал круги вокруг детского дома?

– Нет, – смущенно ответил я.

Нельзя рассказывать отцу об инциденте с мистером Фордом, иначе у старика возникнут проблемы. Родители его за-

валят вопросами и обвинениями, я их знаю. Ладно, спрошу прямо.

– Мама говорит, что ночью по нашему городу ходят монстры. Это правда?

Отец снял перчатки, аккуратно закрыл капот и, облокотившись на него, обнял меня за голову, притянул к себе.

– Эх, Колин-Колин. Какие только монстры не ходят по нашим улицам ночью. Убийцы. Наркоманы. Воры. Тебе огласить весь список?

– Нет, это другое, – я попытался высвободиться из отцовских объятий. – Я имею в виду настоящих монстров. Понимаешь?

– Так это и есть самые настоящие монстры, – сказал отец. – Поэтому тебе нельзя гулять в незнакомых местах без разрешения.

– Я не шучу, папа! Мне нужно знать, что происходит в нашем городе ночью. Почему мама, например, боится заведения «Удильщик Неверона»?

Лицо отца внезапно изменилось, в глазах промелькнула темная искорка.

– Откуда ты узнал об удильщике? – серьезно спросил он.

Если сказать, что об удильщике я узнал от мамы, отец начнет выкручиваться, играть со мной. А мне сейчас не до смеха. Совсем.

– Я сегодня видел Виктора Бормана, – солгал я. – Он предложил мне зайти к нему в бар.

– Что-что тебе предложил Виктор Борман?

– Заглянуть в его заведение.

Черт побери, смотреть прямо в глаза отцу и откровенно лгать – не самое комфортное занятие. У меня даже коленки задрожали, но взгляда я не отвел. Если уж начал крутиться – крутись, пока не остановят.

– То есть Виктор Борман подошел к тебе сегодня, представился и предложил пойти вместе с ним в бар?

– Да, сказал, что в полночь там начнется интересное представление. Ну и я сразу отказался, побежал обратно домой. Странный какой-то этот Виктор Борман.

– Страннее в городе не найти, – задумчиво добавил отец. – А не обманываешь ли ты меня, Колин? Посмотри-ка в глаза.

– Нет. Не обманываю, – через силу выдавил я. – Мне просто... страшно ходить по незнакомым улицам. Еще и этот удильщик Неверона, звучит очень мрачно. Может, все-таки, расскажешь о нем?

Отец глубоко вздохнул, взял меня за плечи и медленно проговорил, делая акцент на каждом слове:

– Тебе. Лучше. Не знать.

– Нет, – воспротивился я. – Знать – это всегда лучше!

Отец тактично промолчал. Хотя мог бы уже придумать целый рассказ, чтобы я наконец успокоился. Например, Виктор Борман – сумасшедший, потерявший сына несколько лет назад, поэтому теперь пристает ко всем мальчишкам, держись от него подальше. Неужели фантазия в этом доме работает

только у меня?

– Тебе действительно так сложно ответить?

– В удильщике обитают странные личности, – устало ответил отец. – Держись подальше от этого места.

– Я уже понял. Но что за странные личности?

– Монстры, Колин. Монстры.

Допытывать отца бессмысленно, он уже начал иронизировать. А на что я надеялся? На честность и открытость родителей? Ладно, я ведь и сам хорош, подставил Виктора Бормана, хотя даже не знаю, кто это. Может, он обыкновенный человек, а я все выдумал? Так или иначе, весомых аргументов и доказательств, кроме прилипшей слизи на ботинках, у меня нет. Одни догадки. Единственное, тело Джорджа Форда так и не нашли. Раньше я не задумывался над причинами его исчезновения, но после встречи со Спенсером мне стало совсем жутко.

– Раз уж ты удовлетворил свое любопытство, давай начнем штробить стены, – сказал отец, выпуская меня из объятий. – Нужно закончить ремонт до начала осени.

Мы работали четыре часа. Я замазывал мелкие щели герметиком, отец орудовал болгаркой, проводя ровные борозды от одной стене к другой. Время от времени мне приходилось придерживать стремянку, пока отец возился с потолком. Мелкая бетонная пыль сыпалась на лицо, забивалась в нос, передавая воздушный поцелуй моим легким. Но – все закончилось, я отработал половину рабочего дня и теперь

мог претендовать на законный отдых.

– Уже уходишь? – спохватился отец. – А как же обнять своего папу?

Мне стало вдруг очень смешно. Ох уж этот внезапный порыв родительской любви, неожиданный, как ураган весной. Я неохотно вытянул руки вперед, уже готовый отдать свое бренное тело богу объятий. Но не тут-то было. Отец внезапно подкинул меня вверх и так громко засмеялся, что задрезжали старые оконные рамы, осевшая бетонная пыль поднялась в воздух. И мы начали кружиться в ней, кружиться вихрем.

– Папа! – крикнул я. – Не надо!

– Когда ты был совсем маленький, мы с тобой играли каждый день, – напомнил он, продолжая кружить меня. – А что теперь?

– Папа, я помню. Но ведь я уже не маленький!

– Если я могу поднять тебя в воздух, то какой же ты? Для нас с мамой ты всегда будешь маленьким.

– Ладно-ладно, только остановись! Или у меня сейчас голова взорвется.

Отец опустил меня на землю, взъерошил мои волосы, затем развернулся и (не поверите) молча, как ни в чем не бывало, открыл капот, надел перчатки и принялся копать в машине. Чуть пошатываясь, я поковылял к выходу. Конечно, «Когда ты был совсем маленький, мы с тобой играли каждый день. Что же теперь? А теперь ты подросток, Колин, поэто-

му давай как-нибудь сам. Тем более у меня недавно появилась маленькая машина. Теперь я буду играть с ней. Читай, что называется, между строк.

И вообще, Колин. Взрослым тоже нужны игрушки. Войди в положение, ведь когда-нибудь ты и сам станешь взрослым. Как только почувствуешь, что твое время безвозвратно утекает в канистру с бензином или в грамоты от родительского комитета. А хотя, знаешь, Колин... к черту все! Никогда не становись взрослым. Иначе глазом не успеешь моргнуть, как твое время полностью утечет в вещи, и в какой-то момент ты сам станешь вещью. Вещью не в себе. Подделкой. Насмешкой».

Мне нелегко общаться с родителями. Иногда хочется от них абстрагироваться, заняться своими делами...а иногда прижаться к родному, взять за руку и никогда не отпускать. Это сложное чувство. Я хочу, чтобы от меня отстали. И в то же время никуда не отпускали. Не меняли ни на машины, ни на комитеты.

Что-то я опять разгорячился. Вы все еще тут? Да, я не сахар. Мне очень сложно выплескивать эмоции, так что я их коплю в себе. Если моя мама – это автомат, то я скорее бомба замедленного действия, которая совсем не хочет взрываться и задевать посторонних людей. Это ведь мои проблемы, и они других не касаются.

– Колин! – голос мамы внезапно донесся из прихожей. – Помоги прикрутить полки над шкафом.

– Но я ведь только освободился. Мама, дай отдохнуть!

– Отдохнешь потом. Скоро наступит осень, и кто тогда будет домом заниматься? Меня, между прочим, назначали в этом году председателем родительского комитета. Это большая ответственность! Нужно набросать перечень изменений в вашем классе, а еще организовать годовые и праздничные фотосъемки...

– Это меня не касается. Скоро наступит вечер, мне тоже хочется заняться своими делами.

– Завтра будешь заниматься, чем захочешь. А сейчас иди сюда. Быстро!

Ага, займусь, как же. Я заперся у себя в комнате, забаррикадировался книгами. Давай, Патрик Зюскинд, замаскируй меня от родителей, сделай невидимым.

– Колин! Давай спускайся! Колин!

Пуля «Колин» еще не достигла цели, а мама уже перезаряжалась.

– Колин!

Нельзя останавливаться, пока враг не повержен. Мама не меняет укрытия, она безотрывно стреляет и стреляет во все стороны, как в фильме про гангстеров из восьмидесятых.

– Колин!

– Колин!

– Колин!

Ладно. Я глубоко вздыхаю и неспешно открываю дверь. Работу до ночи мне обеспечили, о безделье в этом доме мож-

но не беспокоиться. Но когда-нибудь я куплю и надену маме на ее стрелялку глушитель.

– Где там эта полка?

Лампочки Неверона

Ночь выдалась беспокойной. Родители что-то бурно обсуждали за стеной, мамина автоматная очередь беспощадно решетила гипсокартонные стены: «ты-ты-ты-ты сам воспитывал его, ты-ты-ты-ты». Голоса папы я почти не слышал. Возможно, он уже лежал на кровати, истекая кровью. Интересно, это мама так из-за меня разошлась? Я приник ухом к стене, пытаюсь узнать, о каком воспитании идет речь.

– Ты понимаешь, что это значит? Каким образом он узнал о Викторе? Ты совсем забыл о сыне. Это ты должен был позаботиться о безопасности.

...

– И ты ему поверил? Ты что, не знаешь Колина? Ты должен завтра с ним поговорить. Сегодня ты не разговаривал, а веселился у себя в гараже. Только о машине и думаешь.

...

– Скоро наступит осень. Мне будет некогда возиться с вами двумя! Почему я вынуждена обсуждать это в час ночи вместо того, чтобы спать? У меня завтра целая куча дел. Я что, железная, по-твоему? Чтобы я больше не слышала о Викторе Бормане и о его удильщике. Понятно?

...

– Все, хватит! Ложусь спать, пока у меня не случился нервный срыв. Боже, когда-нибудь я свихнусь с вами двумя.

А ты чего лежишь? Иди лучше проверь входную дверь, не дай Бог она окажется опять открытой. На прошлой неделе кто-то оставил на нашем пороге разбитые лампочки. Шутники. Чтоб эти лампочки у них перегорали каждый день...

Разбитые. Лампочки. Неверона.

У меня аж сердце защемило. Я прыгнул обратно под одеяло. Дверь в комнату родителей внезапно открылась. Папа торопливо спускался на первый этаж, видимо, чтобы проверить входную дверь.

Родители что-то скрывают... неужели монстры действительно существуют? Кто такой Виктор Борман на самом деле? О каком доме слез рассказывал Спенсер Форд? Стоит это выяснить, пока родители будут спать. Все просто. Нужно прокрасться к ним в комнату, залезть в интернет через ноутбук. Раз они не хотят ничего рассказывать, придется проявить смекалку. Все тайное становится явным. Так ведь говорят взрослые? Пусть теперь отвечают за свои слова.

Я дождался трех часов ночи, встал с кровати и на цыпочках прокрался в комнату родителей, не наступив ни на одну доску, которая скрипом могла бы выдать меня. Я эти доски, как предателей, давно вычислил в своем доме. Они мои самые главные враги.

В комнате полный порядок. Папа громко храпит, а раз на это не обращает внимание мама, значит ее не удастся разбудить даже пушечным выстрелом. Я быстро оббегаю кровать, включаю в розетку вайфай-роутер, забираю с папиной тум-

бочки ноутбук, крадусь к выходу, бесшумно закрываю за собой дверь.

Вроде, пронесло, у меня аж руки задрожали, дыхание участилось. Мне ведь не разрешают брать ноутбук из-за порнографических сайтов, которые смотрят родители после очередной ссоры. Это у них что-то вроде семейного кино на ночь. Через стены я и не такое слышу, но рассказывать вам о своих открытиях, разумеется, не стану. Просто помните, что я давно не ребенок, и знаю абсолютно все то же самое, что и вы. Но не только это нас объединяет. Мне тоже очень интересно, что происходит в Невероне. Почему родители запрещают мне выходить на улицу после десяти часов вечера? И кто такой Виктор Борман? Не спрашивайте, почему я раньше не додумался посмотреть информацию в интернете, просто я не придавал особого значения всей этой истории с монстрами, но сегодняшний случай в магазине Спенсера будто открыла мне глаза. Ведь если рассудить, я никогда не уходил далеко от дома, гулял только по городскому парку и топтал траву на улице Дифирамб, где и расположена моя школа. Что происходит на самом деле в городе? Пришло время выяснить. Отключаем звук и вбиваем в поиск «монстры Неверона». Информационный дождь тут же заливает экран:

«Люди уезжают из Неверона. Преступники заполонили город»;

«Найден шкаф с мертвыми людьми возле ресторана «Апероль»;

«Дети продолжают исчезать из Неверона. Кто стоит за похищениями?»»

Боже, у меня сейчас сердце выскочит из груди. На одном сайте я нашел фотографию странной комнаты с огромным шкафом, который был весь перепачкан кровью, а из его полуоткрытой дверцы торчала огромная когтистая лапа, сжимающая голову девушки с золотыми волосами. Тело, должно быть, осталось в шкафу. Я быстро закрыл вкладки, выключил ноутбук. Меня бросило в дрожь, руки затряслись. И я уже хотел было возвращаться в комнату родителей, как внезапно в окне появился чей-то темный силуэт. Из-за плохого освещения уличных фонарей я не мог разглядеть его. Раздался звук. Тук-тук. Тук-тук. Мое сердце на мгновение замерло. И только было слышно короткое «тук-тук, тук-тук», и легкая вибрация оконной рамы.

– Колин, – проговорил силуэт за окном. – Помоги мне. Колин.

Не раздумывая, я подскочил с кровати и побежал в комнату родителей, скрипя всеми досками и стуча дверьми как можно громче. Я положил ноутбук на тумбочку и начал трясти отца.

– Папа, просыпайся. Папа! Там за окном кто-то стоит! Папа!

Отец меня не слышал, продолжал храпеть. Я попытался разбудить маму, кричал «проснись, ну же!». Я резко развернулся, чтобы закрыть дверь, но тут в комнате родите-

лей вновь прозвучало короткое: тук-тук, тук-тук. Силуэт появился в окне.

– Родители тебя не слышат, Колин, – произнес он. – Они никогда тебя не слышали.

У незнакомца был слабый голос, невнятная речь. И такая странная, вздутая интонация, будто он наглотался воды.

– Кто ты такой?! – крикнул я как можно громче. – Почему они не слышат?

– Они спят. И не проснутся раньше восьми утра.

– С чего ты взял?

– Они не проснутся, пока ты будешь с ними, – невозмутимо ответил силуэт.

Я взглянул на часы. Секундная и минутная стрелки замерли на двенадцати, а часовая – на трех.

– Как это? – недоуменно спросил я. – Часы остановились.

– Время для нас играет очень важную роль. Солнце не выглянет, пока я не выполню задание.

– Кто ты?

– Неужели ты меня не помнишь?

Силуэт приблизился к окну, и сквозь мутное стекло я с трудом разглядел: передо мной маячило измученное лицо... Это был Джон Форд, сын хозяина строительного магазина. Он очень изменился с нашей последней встречи, кожа его стала мертвенно-бледной, восковой, ненастоящей. Поблекшие волосы прилипли к шее. И только глаза горели ярким желтым светом во тьме.

– Джон Форд, – ошеломленно сказал я. – Ты живой.

– Наполовину, – ответил слабым голом Джон. – Это не важно. Ты должен мне помочь, Колин. Я очень хочу есть. Не питался вторые сутки.

– Я разговаривал сегодня со Спенсером...

– Да. Отец уже внес залог за меня, осталось только доставить тебя к Виктору.

– Меня? – переспросил я. – К Виктору Борману?

– Именно так. Солнце не выгянет, пока я не приведу тебя в «Удильщик». Так что не медли, собирайся прямо сейчас. Нам предстоит долгая поездка.

Я попятился назад.

– Никуда мы не поедем, я сегодня увидел достаточно.

– Нет, Колин. Самое интересное тебе еще предстоит увидеть.

Голова Джона внезапно начала сжиматься, зрачки расширились, нос исчез, а губы сползли вниз, будто расплавились на восковом лице. И единственное, что осталось от Джона, – это глаза, с новой силой вспыхнувшие во тьме, словно рождественские огни.

– Смотри на меня, Колин, – сказал Джон. – Смотри на лампочки. Давай-ка начнем с самого начала.

Я уставился на загадочные огни, хранящие внутри себя нечто прекрасное, притягивающее. На секунду, на одно мгновение мне даже показалось, будто я поймал на себе взгляд божественного существа. Будто огни были вовсе не

огнями, но чем-то большим, глубоким, и внутри них, за мягкостью света хранилось твердое ядро моего предназначения. Эти огни могли указать путь к моей истинной, настоящей жизни, не имеющей ничего общего с той подделкой, с тем плевком судьбы, которого я был удостоен сейчас.

– Колин, я заблудился, – с улицы донесся дрожащий голос Джона. – Ты не знаешь, где папа?

– Спенсер Форд? – выдавил через силу я, продолжая смотреть на огни. – Он должен быть сегодня в «Удильщике Неве-рона».

– Ты проводишь меня туда, Колин? Мне очень страшно ходить одному в городе.

– Да, конечно, – спохватился я. – Только я не знаю дороги.

– Иди за мной и не отрывай взгляда от лампочек, – сказал Джон. – О родителях не волнуйся, о них позаботится Виктор Борман. И оставь все свои вещи в доме, они тебе больше не понадобятся.

– Да, разумеется.

– Поспеши, Колин. Время не любит стоять на месте.

Я вышел на улицу в одной пижаме, голоногий, осторожно наступая на мокрый асфальт, чтобы случайно не поскользнуться. Ко мне подошел Джон Форд. Огни на его лице загорелись еще ярче, озарив улицу золотистым светом. Мне стало заметно теплее. Минуту спустя к нам подъехала старинная машина, похожая на огромного черного жука, пыхтя двумя выхлопными трубами, выглядывающими из-под порогов.

Я знаю все автомобили, которые ездят по нашему городу, но подобного никогда не встречал. Знакомый голос прозвучал у меня в голове:

– Колин, садись скорее в машину.

– Тебе все объяснит Виктор Борман, – спокойно сказал Джон. – Не отрывай взгляд от лампочек.

Я покорно смотрел на огни.

– Садись в машину.

Я послушно открыл дверцу, сел на заднее сиденье.

– А теперь спи.

Я закрыл глаза и тут же погрузился в сон. Огоньки продолжали гореть у меня в сознании, сиять во сне.

Обитель монстров

Очнувшись, я увидел, что нахожусь в престранном месте, похожем на дорогой ресторан. Посетители неотрывно смотрели на меня, и взявшись за руки, медленно двигались по кругу. Играла классическая живая музыка, огромная комната была обставлена старинной антикварной мебелью, в воздухе витал горький запах табачного дыма. Я сидел на удобном стуле, положив ладони на колени, словно послушный ребенок, ожидающий начала занятий.

Напротив меня сидело странное существо с длинным акульным носом. Заметив, что я пришел в себя, монстр похлопал в ладоши. У него были хищные, острые зубы. Он держал ими сигарету, перекидывая ее с одного уголка рта в другой, и задумчиво разглядывал меня своими раскосыми глазами.

– Добро пожаловать, мой дорогой, – произнес монстр. – Мы тебя очень долго ждали.

– Что? – робко спросил я. – Где я?

– Ты находишься у нас в гостях, – ответил монстр. – В заведении «Апероль», хотя некоторые люди по ошибке называют его «Удильщиком».

У монстра был низкий, уверенный голос. Несомненно, он был владельцем этого старинного ресторана.

– Кто вы такой? Вы Виктор Борман?

Монстр медленно кивнул.

– И что вам от меня нужно?

– Мне очень важно понять, что ты из себя представляешь, мой дорогой Колин. Заранее прошу прощения за дешевые спецэффекты Джона Форда, который по неопытности оставил время до самого утра. Теперь оно свободно для людей, поэтому наша встреча не затянется надолго.

Я не нашел, что ответить, поэтому Виктор спустя несколько коротких секунд продолжил:

– В этом заведении редко появляются живые люди. Ты очень ценный гость, и я лично гарантирую, что тебя никто здесь не тронет. Но нам также очень важно знать, не представляешь ли ты опасности для нашего заведения. Поэтому я задам несколько простых вопросов, и если мы решим, что ты не опасен для нас, то сразу же тебя отпустим.

– Да, конечно, я вам отвечу на все вопросы, – быстро проговорил я. – Только от меня будет мало пользы, ведь я совсем ничего не знаю.

Виктор слегка улыбнулся, обнажив острые зубы.

– Тебе нужно всего лишь честно отвечать, – сказал он. – Знания здесь бессильны.

– Х-хорошо, – проговорил я.

Виктор Борман затушил сигарету о край стола, расслабленно откинулся на стуле.

– Итак, самое важное, что я хотел бы прояснить, пока беседа не набрала обороты. Доверяешь ли ты этому миру, Колин?

– Доверяю ли я миру? – робко переспросил я. – Что вы имеете в виду?

– А имею в виду абсолютно все. Расскажи, что ты думаешь про этот мир.

– Даже не знаю, что вам ответить. Папа говорит, что мир похож на океан. Большая рыба всегда ест маленькую. Что нет справедливости в этом океане, и всем на эту справедливость плевать.

Виктор Борман задумчиво щелкнул острыми зубами, посмотрел мне в глаза.

– И ты согласен со своим папой?

– Ну... папа старше меня. И я ему полностью доверяю.

– Но разве взрослые не могут ошибаться? – усмехнулся Виктор. – Зрелость страшится подвижности, а идеалы требуют стойкости. Как ты считаешь, может ли взрослый человек иметь полное представление об изменяющемся мире, опираясь на свои неизменные установки?

– Наверное, – задумчиво ответил я, плохо понимая, о чем речь. – Я никогда не задумывался об установках и изменениях... У меня всегда были сложные отношения с абстрактными понятиями. Но мир мне нравится.

Улыбка пропала с лица Виктора Бормана, голос его изменился, стал резким:

– Мы ведь договорились отвечать друг другу честно, Колин.

Я хотел было возразить, но язык прилип к небу. Виктор

Борман достал очередную сигарету и, не отрывая от меня взгляда, закурил.

– Я осведомлен о твоих увлечениях, мой дорогой Колин. Ты очень любишь обманывать и приукрашивать. Свою маму ты называешь автоматом, а отца... двигателем внутреннего сгорания. – Виктор не удержался и, выпустив изо рта огромное облако дыма, тут же рассмеялся в него. – Однако это далеко не самое интересное, что касается твоих творческих навыков. Как ты уже заметил, все посетители этого заведения не отрывают от тебя взгляда. Они не могут приступить к еде, не узнав, с кем проведут эту долгую ночь. И потому как ты отказываешься рассказывать им правду, я осмелюсь взять на себя эту задачу.

Голос Виктор Бормана вновь изменился, приобрел странную текучесть, мягкость. Лицо его расплылось в улыбке. Он оглянулся по сторонам, как бы охватывая взглядом собравшихся посетителей, двигавшихся вокруг нас, и громко сказал, чтобы услышали все:

– Наш дорогой Колин Вуд пишет книги. Прошу заметить, что это единственный живой писатель, который остался в Невероне! У нас сегодня великий день. Нас наконец-то зафиксирует человеческая история. И не какая-то семья Лорейн, а сам Колин Вуд. Если он, конечно, станет знаменитым. И мы его не съедим.

Окружающие так громко засмеялись, что ножки старого антикварного стула затрещали подо мной.

– Колин Вуд при этом бывает не совсем честен со своими читателями и очень любит устраивать с ними игры на внимательность. Например, сегодня днем он написал, я цитирую: «у меня очень хорошо развиты зеркальные нейроны, которые отвечают за эмпатию». Но спустя несколько часов он нагло врет прямо в лицо своему отцу. И даже не моргает. А вот моя любимая часть, опять же сегодня днем: «в этом учебном году мои одноклассники подожгли волосы рыжему парню». Но Колин Вуд забыл упомянуть, что он единственный обладатель рыжих волос в школе. Он ничего не рассказал об этом происшествии родителям, потому как те давно находятся за бортом его подростковой жизни. Бедного мальчика настолько затравили, что он боится даже писать о своих травмах. Он пытается казаться более человечным, более социализированным, привычным для своих читателей, чтобы им понравиться.

– Это неправда! – осмелев, крикнул я и, оглянувшись по сторонам, добавил: – Вы ведь монстры, верно?

– Верно, – кивнул Виктор.

– Так что вам все-таки нужно от меня? И откуда вы знаете, что я пишу книги?

Виктор рассмеялся.

– Он удивлен тем, что мы что-то знаем. Но его совершенно не волнует то, что некоторые из нас способны останавливать время. Теперь вы понимаете, почему я обеспокоен нашим Колином? Он очень похож на человека.

– О чем вы говорите? Я не понимаю.

– Мы тоже ничего не понимаем, – сказал Виктор. – И поэтому боимся. В этом вся дилемма, дорогой Колин. Перед загадочными огоньками, которые ты сегодня видел у Джона Форда, бессильны исключительно монстры. Эти огоньки обладают особой притягательной силой для всех существ, лишенных места в мире людей. Ты, как бы это сказать... безбилетник. А мы – твои кондукторы. И так как билета у тебя нет, ты можешь быть опасен и для людей, и для нас.

Мне вдруг захотелось рассмеяться. Все это походило на дурной сон.

– Вы сумасшедший, – сказал я. – Не понимаю, к чему вы клоните?

– Ты – монстр, Колин. Не до конца сформированный, еще не созревший. Но все же монстр.

Не выдержав, я наконец засмеялся. Теперь у меня не было сомнений: я либо сплю, либо меня кто-то с утра накачал наркотическими веществами. Иного объяснения происходящему не было.

– Этот мир тебе не подходит, – продолжил Виктор. – Ты не способен жить среди людей, элементарно не в состоянии принять их систему ценностей. В конце концов, я отвечу за тебя на свой же вопрос: ты не доверяешь этому миру.

– Чушь, – воспротивился я. – Вы пытаетесь мне промыть мозги. Что-то подсыпали сегодня утром. Так делают террористы. Промывают мозги и вербуют в преступные группи-

ровки. Я вам не верю. Вы сумасшедший.

Виктор пропустил мои слова мимо ушей и продолжил:

– И так как мы уже определили, что ты представляешь опасность для окружающих, тебя отправят в дом слез. Это специальное место, которое определит твою дальнейшую трансформацию. Либо процесс превращения прекратится, либо тебе придется присоединиться к нам. Джон Форд – твой бывший одноклассник – уже находится на последней стадии превращения. Теперь он смотрит на мир совершенно иначе. Освещает его своим великолепием. Освещает огнями. У нас в гостях находится его отец, Спенсер Форд. Он так долго стучался к нам в дверь, чтобы взглянуть на своего сына. Давай позовем его? Спенсер Форд, не стесняйтесь, входите.

Издали послышались тихие шаги. Круг монстров разделился на две половины, давая пройти мистеру Форду.

– Спенсер Форд – уникальный человек. Преждевременно покинув дом слез, он сохранил способность видеть монстров в истинном облики, однако сам монстром так и не стал. Неудивительно, что ты, Колин, сразу почувствовал с ним родственную связь.

Спенсер подошел к Джону и, немного помедлив, взял его за руку.

– Мы можем идти домой, Джон, – сказал Спенсер. – Пойдем?

Мальчик напоминал манекен. Казалось, стоит дотронуться до его лица, и на пальцах останутся следы воска. Он не

двинулся с места, даже когда Спенсер взял его за руку, чтобы отвести к выходу. Джон определенно уже не был человеком.

– Джон? Сынок, ты меня слышишь?

– Джон Форд не ел вторые сутки, – сказал Виктор. – Поэтому у него слегка заторможенная реакция.

Спенсер перевел растерянный взгляд на Виктора.

– Это мой сын! – крикнул Спенсер. – Я забираю его!

– Разумеется. Но прошу заметить, что вы также, господин Форд, до последней капли крови принадлежите вашему сыну.

Спенсер продолжал смотреть на Виктора, тщетно пытаясь найти в его словах смысл.

– Так или иначе, уговор есть уговор, – сказал Виктор. – Вы забираете Джона Форда, а Колин Вуд остается у нас.

– Что? – я вопросительно посмотрел на Спенсера. – О каком уговоре идет речь?

– Спенсер Форд проинформировал нас сегодня ночью, что возле площади Дифирамб живет необычный мальчик. Как уже было сказано, Спенсер сохранил способность видеть монстров. И он увидел его в тебе, мой дорогой Колин. Иными словами, Спенсер выдал тебя нам, тем самым в очередной раз подтвердив свою человечность.

От услышанного в ушах зазвенело. Теперь понятно, как монстры меня нашли. В голове потихоньку начала складываться полная мозаика сегодняшних событий.

– Прости, Колин, – пробубнил Спенсер. – Но мне нужно

было забрать Джона из дома слез.

Виктор ослабился.

– Не держи зла на господина Форда, Колин. Спенсер – человек со всеми присущими ему слабостями. Разве можно его винить за это? Но управлять людьми мы тебя научим. Управлять временем. Материей. А то, что находится за пределами материи, мы осветим огнями. И тогда ты удивишься, насколько наш мир отличается от мира людей.

Я хотел было возразить, но Виктор выпустил изо рта протяженное «т-с-с-с-с», после чего указал на маленькие часы, висевшие на стене. Я перевел взгляд на часовую стрелку, остановившуюся на цифре «пять».

– Сейчас покажется солнце. Самое завораживающее – это зачатие нового дня в утробе Неверона. – Виктор махнул рукой в сторону огромного рояля, стоявшего посередине огромной залы, и там в ту же секунду материализовался пианист. – Винсент, будь так добр, исполни первые три этюда Ференца Листа. Начнем с прелюдии, за которой последует стремительный этюд в характере токкаты. И когда Джон Форд закончит свою трапезу, а Колин Вуд перестанет кричать, нам останется лишь исполнить светлый и лирический «Пейзаж», укутанный, как новорожденное дитя, в утренние лучи солнца.

Теперь Виктор пристально смотрел на старика Спенсера.

– Спенсер Форд, а вам пора покинуть наше заведение. Благодарим за визит. Все существа должны подчиняться за-

конам той формы, которой принадлежит их сущность. И потому как мир людей находится в недоступной для монстров форме, мы не имеем права к людям прикасаться, и уж тем более их убивать. Но ведь вы, господин Форд, давно пребываете одновременно в двух формах, безбилетником передвигаетесь в двух мирах. И так как человеком в полной мере вас уже не назовешь... боюсь, мы вынуждены вас убить, господин Форд. Дом слез вас больше не примет.

Заиграла веселая музыка. Глаза Джона Форда внезапно зажглись яркими угольками. Старик Спенсер судорожно схватился за руку, которую, судя по всему, сильно сжал Джон.

– Вам не стоит беспокоиться по поводу посетителей, Спенсер, – сказал Виктор. – Они вас не тронут. Как я уже говорил, сегодня вы до последней капли крови принадлежите своему сыну.

– Он все еще человек. – Спенсер поднес руку к лицу Джона. – Он не тронет меня.

– Джон Форд не ел вторые сутки, – напомнил Виктор. – Я бы посоветовал вам закрыть глаза.

Лицо Джона Форда исказилось, уголки глаз вспыхнули красным пламенем. Восковая кожа расплавилась, опалив руку Спенсера. Кровь хлынула на пол. Я закричал и хотел уже бежать к выходу, как невидимая сила придавила меня к стулу, заставив наблюдать кровавый спектакль. Лицо Джона Форда пенилось, пузырилось, все глубже засасывая руку Спен-

сера. В воздухе витал солоноватый запах горячей крови. Я продолжал кричать, в тайне надеясь, что меня все-таки отпустят, пока в один момент не заметил, что мой крик постепенно начинает приобретать иное звучание.

– Кричим более прерывисто, – Виктор дирижировал рукой возле моего лица. – Протяжными долгими legato. Переходим ко второму этюду! Меняем темп на andante, опустившись на сильные доли. Восхитительно! Музыка для моих ушей!

Утренний свет проник в просторную залу, зажег кровавые пятна на полу. Музыка сменила темп, и я наконец перестал кричать. Виктор удовлетворенно выдохнул. Посетители медленно, один за другим, побрели к выходу.

– Всем спасибо, господа. Представление окончено. Восхищайтесь человеческим миром так же, как люди восхищаются таинственностью нашего. И не забывайте пить слезы перед сном. Встретимся следующей ночью.

Лицо Джона Форда приняло человеческие очертания. Он облизнул губы, согнав с них алую кровь мистера Спенсера. Затем повернулся к выходу и медленно поковылял к остальным посетителям.

– Монстры не любят солнечный свет, – произнес Виктор. – Днем они перестают видеть огни. Это их парализует.

– Вы убили Спенсера, – прошептал я, – и с самого начала не хотели отпускать меня.

– Это была игра, мой дорогой Колин. Всего лишь игра.

Разумеется, я с самого начала знал, что ты опасен. Но мне необходимо было на живом примере показать тебе, что бывает со смельчаками, сбежавшими из дома слез. И если ты не хочешь оказаться на месте господина Форда, будь послушным мальчиком.

– Как я понимаю, вас не переубедить? Я не хочу никуда уезжать. Я хочу вернуться домой.

– У монстров нет права выбора. В этом мы отличаемся от людей. Поэтому я не могу тебя отпустить, Колин. Мне очень жаль. Вставай.

Я пересилил себя и с трудом встал на затекшие ноги.

– Винсент перенесет тебя в дом слез. Предупреждаю, тебе будет неприятно. Буквально несколько секунд. Чуть-чуть больше, чем было Спенсеру Форду.

Слова Виктора несколько меня не насторожили. После всего того, что я сегодня увидел, мне хотелось только одного: поскорее покинуть это странное заведение. Я даже был готов умереть, лишь бы поскорее все закончилось. Спустя минуту ко мне подошел высокий человек приятной внешности, совсем не похожий на монстра, со странным ошейником на шее. Он легонько тронул меня за плечо и четко проговорил:

– Мы покидаем человеческий мир. Твой организм, возможно, не выдержит нагрузки и погибнет.

– Хорошо.

– Но по прибытии в дом слез ты быстро восстановишься, – добавил Виктор. – Мертвый в данный момент ты нам не ну-

жен. Винсент проследит, чтобы твое восстановление прошло без последствий.

Винсент поднял меня в воздух невидимой силой, взял на руки. Затем произошел воздушный хлопок, и окружающее пространство свернулось. В руках и ногах резко закололо, в глазах потемнело, тело вздулось пузырем, готовым разорваться. В тот момент я действительно хотел умереть, потому как понимал – смерть неизбежна. Но в этом своеобразном вакууме умирание бы слишком затянулась, и я быстрее бы сошел с ума от разрыва нейронных связей, чем от остановки сердца. В какой-то момент боль стала настолько невыносимой, что я просил Винсента убить себя. И скорее всего, он меня убил, потому что я наконец отключился.

Дом слёз

Если вам кажется, что вас где-то обманули по ходу повествования, значит вы потихоньку начали втягиваться в игру Виктора Бормана. Винсент говорит, что все люди со временем сходят с ума. Сумасшествие очень заразно, поэтому не стоит расстраиваться, если у тебя, например, внезапно появился воображаемый друг. Монстры не превращаются обратно в людей. То, что сгорело – просто сгорело. И нечего тут романтизировать.

– На самом деле смерти не существует, – говорит Винсент.

– С чего вы взяли?

– Я очень наблюдательный, – ответил Винсент. – Кажется,

Виктор говорил, что ты умрешь.

– Говорил.

– И ты не выжил.

– Почему я тогда разговариваю?

– Потому что смерти не существует.

Если вам кажется, что вас где-то обманули по ходу повествования, значит вы уже в игре. Думаю, мне стоит внести ясность по поводу своего цвета волос. Да, у меня действительно темно-рыжие волосы, оттенком напоминающие серную спичечную головку. И мне за это несколько раз прилетало, а однажды – стало очень жарко. Сумасшествие, как праздник, рано или поздно всегда зажигается.

– Мы уже на месте? Я ничего не вижу.

– Твое зрение еще не восстановилось, – ответил Винсент. – Не волнуйся, ты не умер. Но и живым тебя не назовешь. Через шесть часов ты проснешься в своей новой комнате, и я тебе все объясню. Сто двадцать седьмой этаж теперь полностью в твоём распоряжении.

– Какой этаж в моём распоряжении? – удивленно переспросил я. – Дом слез – это что-то вроде гостиницы?

Винсент промолчал. Трудно поверить в происходящее, если ты ничего не видишь. Возможно, мое воображение настолько разыгралось, что я даже придумал запах старого дерева, витающий вокруг меня. Но если все происходит на самом деле, я теперь знаю, что в этом загадочном доме слез обитают как минимум сто двадцать семь человек. Если, конечно, часть этажей не пустуют. Интересно, здесь все из Неверона? И на каком этапе превращения? У меня нет желания становиться чертовым манекеном. Если в этом месте не предусмотрен лифт, значит домой я вернусь с окрепшими и подкаченными ногами. Но в том, что я вернусь, можно не сомневаться.

Спустя час, проведенный в полной темноте, я наконец-то уснул. Мне снилась мама. Как всегда, она кричала что-то неразборчивое (на этот раз со странным акцентом), пытаюсь вывести меня из себя. И так до тех пор, пока наш диалог не превратился в коктейль из причудливых слов, которые дети любят выводить на заборах. Мама грозилась тем, что от-

правит меня в детский дом, а я стоял напротив нее и напрягал все пятьдесят семь мышц на своем лице, пытаясь улыбнуться. Если вы заметили у человека неестественную улыбку, знайте – фитиль внутри него уже зажегся. Вот-вот рванет.

В детский дом меня грозились отправить по одной простой причине: я украл пять долларов из отцовского бумажника, чтобы купить себе чипсы, бутылку колы, шоколадный батончик и пачку Mallbogo. Как я уже отмечал, у нас в семье были проблемы с деньгами. Мне запрещали есть фастфуд, потому что это дорого и вредно для организма. К слову сказать, курить мне никто не запрещал. Когда тайное в конце концов стало явным, отец заявился в мою комнату с кожаным длинным ремнем.

– Хорошие сигареты, – сказал он. – Ты, как я понимаю, тонкий ценитель табачного дыма? Что-то вроде современного Уолтера Рейли?

– Нет, пап. Я скорее похож на Илона Маска, который первый раз попробовал бахнуть дыма. Да, ему не особо зашло, но проблемы у него все равно появились.

– Ну ничего себе, как ты завуалировал собственную тупость. Может, тебе податься в журналистику? Или, чего доброго, станешь писателем?

– Нет, пап. Я же не сумасшедший.

Отец смеялся. Незажженная сигарета «Mallbogo» лениво свисала с уголка его рта. Мы недолго покурили, после чего он меня выпорол.

– Пап, простишь меня?

– За что?

– Ну-у... Я ведь взял деньги из твоего бумажника.

Отец испытующе взглянул на меня.

– Ну а я тебя выпорол, – просто сказал он. – Так что проси прощения за тупость у своего седалища. Ведь в следующий раз, когда ты решишь забрать что-то чужое, никому не будет интересно твое «прости». Привыкай отвечать за все хорошее пятой точкой. Запомни, всем плевать, что ты будешь говорить.

– Ладно. А маме? Ей я должен что-нибудь сказать?

– Нет, – ответил отец. – Я уже с ней все обсудил.

– И в детский дом не отправите?

– Посмотрим на твое поведение.

Наверное, слова отца содержали тайный смысл, потому что прошлой ночью Виктору Борману было плевать на то, что я говорил. Если рассмотреть всю хронологию моей приключенческой жизни, то никому никогда дела не было до моих слов. Меня просто кидало в самую гущу событий с неярким намеком на то, что я где-то допустил ошибку. Вот теперь моя пятая точка греет пол в доме слез, и никто толком не объясняет, какое преступление я совершил. Может, дом слез – это что-то типа детского дома, только для сумасшедших? Похоже, очень скоро я это узнаю. Винсент начал будить меня.

– Просыпайся, Колин. Мне нужно показать тебе все до-

стопримечательности сто двадцать седьмого этажа.

Я открыл глаза. Предлагаю «На периферии моего зрения» плавал смутный силуэт Винсента. Он был похож на белое говорящее пятно, петляющее из стороны в сторону, как солнечный зайчик. Тяжело передвигая деревянными ногами, я двинулся вперед, не разбирая дороги. Пол был холодным и немного скользким.

– Странный сон, – тихо сказал я. – Такой осознанный, как будто я и не спал.

– Монстры здесь не спят, – ответил Винсент. – Форма нашего существования не позволяет находиться в человеческом мире продолжительное время. Сорок лет, проведенных рядом с людьми, для монстров приравнивается к четырем дням непрерывного сна. Ощущение идентичны. После чего они «просыпаются», возвращаясь в исходную точку.

– Интересно. Если монстры здесь не спят... выходит, я все еще человек? А меня так убеждал в обратном ваш Виктор Борман, что я прошлой ночью чуть с ума не сошел.

– Твое превращение всего лишь вопрос времени, – продолжил Винсент. – Виктор Борман увидел спичку и не задумываясь положил ее в коробок. Возвращаемся к вопросу о реалистичности твоих сновидений. Потому как монстры не спят, ты видишь вовсе не сны, а свою прошлую жизнь, пребывая в необычном трансе. Как только превращение подойдет к концу, ты перестанешь отличать реальность от сна...

– Ладно-ладно, как-то заумно все это. Просто скажите

мне, как отсюда выбраться?

– Словами невозможно описать, – спокойно ответил Винсент. – Пройдет некоторое время, прежде чем ты освоишься в доме слез. Я прекрасно понимаю, незнакомое место похоже на неразношенные ботинки: давит и трет со всех сторон. Но выбора у тебя нет. Просто информирую, что я тебе здесь не приятель. Моя задача – следить за порядком и рассказывать об устройстве дома новоприбывшим.

– Ага, понял. Вас бессмысленно допытывать.

– Абсолютно верное заключение, – согласился Винсент. – Рекомендую оставить время разочарований в прошлом и проследовать за мной.

– Ну разумеется, – сказал я. – Как скажете, господин Винсент.

Зрение практически вернулось ко мне. Мы стояли в длинном прямоугольном помещении, растянувшемся, как мне показалось, на целую милю. На ровных, покрытых белым гляncем стенах висели странные картины. Походя мимо них, на секунду я улавливал собственное отражение. Например, вместо лица Наполеона видел свое собственное, – издевательски довольное и преувеличенно-приветливое. Между картинами, как солдаты во фронт, тянулись двери, довольно низкие, в них бы не смог свободно войти человек ростом выше ста восьмидесяти сантиметров. Над дверьми висели миниатюрные лампочки, отталкивающие приятным голубым светом темноту. И больше ничего. Ни номеров, ни

других опознавательных знаков. Только тихий, практически бесшумный плач доносился сквозь стены. Будто тысячи мертвых душ, пытающихся вернуться в мир живых, были замурованы под толстым слоем старого дерева.

Я чувствовал себя особо уязвимым в этом месте. Как человек без кожи. Как человек без зрения, который идет вслепую до первого оврага. Несмотря на белый глянец, бросающийся в глаза, здесь было очень мрачно, темно и сыро.

– Холодно, – пожаловался я. – Можно мне потеплее одежку?

– Она тебе не понадобится. – ответил Винсент. – Когда ты начнешь умирать, тебе будет не до температурных условий. Эти стены поглотили крики сотни людей. А пол, на котором ты стоишь, впитал слёзы самых маленьких, даже еще не осознавших свою участь, одиноких детей. И никто из них не жаловался на холод.

Винсент взял меня за шею и грубо подтащил к стене.

– Прислушайся хорошенько, – приказал он. – И ответь, до сих пор ли тебе холодно?

Винсент прижал мое лицо к стене. И тогда я ощутил, как внутри старого и изношенного дерева, покрытого тонким слоем глянца, кипит горячая кровь, обжигая мое лицо.

– Отвечай, – сказал Винсент. – Как тебе?

Я попытался выбраться из хватки Винсента, но тот сжал руку на шее еще сильнее.

– Отвечай мне, – повторил Винсент. – Тебе все еще хо-

лодно?

– Нет, – сдавшись, проговорил я. – Не холодно!

– Ну хорошо, – удовлетворенно кивнул Винсент. – Тогда представим, что этого диалога не было. Знай, что в доме лучше не лить слёзы понапрасну. Пройдем дальше.

Теперь Винсент точно дал понять, что он мне не союзник. Собравшись с силами, я задал главный вопрос:

– Где я буду жить?

– Ты можешь выбрать любую комнату для своего проживания, – сказал Винсент. – До тебя на сто двадцать седьмом этаже жил Джон Форд. Так как он завершил свое превращение вчера в ресторане, я еще не успел забрать его вещи.

– Джон Форд жил здесь? Можно тогда... другой этаж? Мне не по себе после той ночи.

– Нет. Нельзя.

– Ну что ж, хорошо. Господин Винсент, проинформируйте меня тогда, зачем здесь так много комнат, если я буду жить один?

– Комнаты отличаются по функциональности. Думаю, ты уже догадался, что этот дом живой. Он состоит из маны людей. Каждая его комната – это отдельный музей воспоминаний. Поэтому не вздумай здесь ничего ломать, закончится очень плохо. Для тебя.

– Я, конечно, ничего ломать не буду. Чужое имущество там, и все такое. Только подскажите, где здесь выход на первый этаж?

Винсент удивленно взглянул на меня.

– На первом этаже нет ничего интересного. Зачем тебе туда?

– Мне просто любопытно, я живу на самом верхнем этаже? Здесь сто двадцать семь несчастных, приговоренных к обитанию внутри этого... живого существа? И все из моего города? Если это правда, то очень интересно, кто же находится на первом этаже.

– Там живут люди в возрасте, – немного помедлив, сказал Винсент.

– Вот как... А на самых последних, как я понимаю, дети?

– Молодые люди, – поправил Винсент.

Если этот монстр в человеческой обертке не хочет мне говорить, как отсюда выбраться, я разузнаю все у других. Нужно вытрясти из него побольше информации.

– Мне можно ходить по другим этажам? – осведомился я.

– Такая возможность есть у людей, прошедших первые метаморфозы.

– И когда наступают эти ваши метаморфозы?

– Дому необходимы сильные эмоции, сопровождаемые слезами. Он питается ими. Как только он получит необходимую энергию, носитель слез впадет в транс, заснет. А как проснется, получит новые... способности. И так будет продолжаться до тех пор, пока носитель окончательно не перевоплотится.

– Чем питается дом? Слезами? – удивленно переспросил

я.

– Ты все правильно услышал. Слезами.

– Почему именно ими?

– Так решил архитектор, создавший это место. Если под-вернется случай и ты с ним встретишься, Колин, то можешь спросить, почему он выбрал именно слезы.

– Не понимаю, господин Винсент. Это вы так пошутили?

Винсент ничего не ответил. Он резко остановился, повернул ручку одной из дверей и жестом пригласил меня внутрь. В комнате были широкая двуспальная кровать, два высоких стула, огромный длинный стол, подогнанный к углу комна-ты, покрывало из натурального кроличьего меха, потолок и стены, выкрашенные белой глянцевой краской. Четыре ста-ринные картины, по одной на каждую стену. «Дорога с ки-парисами и звездой» Ван Гога. «Закат» Фердинанда дю Пю-игадо. «Театр абсурда» Михаила Хохлачева. «Над городом» Марка Шагала. И в этих картинах было нечто живое и пуга-ющее. В разноцветной краске шумела теплая кровь.

– Все комнаты похожи, – сказал Винсент. – Поэтому нет смысла останавливаться на каждой.

– Ну хорошо. Тогда я остаюсь здесь. Только все не могу понять, зачем мне давать в распоряжение целый этаж? Это же непрактично.

– Скоро ты все поймешь, Колин Вуд. Чтобы осознать свое место среди монстров, нужно провести некоторое время в доме.

– Просто отлично. Как видите, вещей у меня нет. И так как остальное я пойму сам, вы уже можете оставить меня одного?

Винсент кивнул и в следующую секунду испарился, оставив после себя противный запах горелой кожи. Как назло, здесь не было окна, чтобы проветрить комнату. Конечно, монстры ведь терпеть не могут солнечный свет. Эти поганцы все предусмотрели, я теперь даже не узнаю, какое время суток.

Побродив по комнате несколько минут и не найдя никакого дела, я вышел наружу. Нужно как-то пометить свое новое обиталище, чтобы не заблудиться в коридоре. Под рукой не оказалось ничего острого, поэтому как следует разбежавшись, я со всего размаху зарядил ногой по двери, надеясь ее несколько деформировать для видимости. Та распахнулась, ударилась о стену и вернулась обратно, вдавнив мне деревянную пощечину. Я отлетел назад, уронил картину.

«Черт побери! Какое же проклятье этот дом, – выругался я про себя. – Неужели мне придется каждый раз спать в новой комнате?»

– Эй, хватит шуметь! —раздался незнакомый голос в голове. – Разве Винсент не просил тебя ничего не ломать? Дом сейчас разозлится!

– Кто здесь?

Ответа не последовало. Я с подозрением взглянул на упавшую картину. Она называлась «Автопортрет». Ван Гог смот-

рел на меня с легким презрением, как бы намекая, чтобы я повесил его на место. Но не успел я моргнуть, как «автопортрет» преобразился в мое собственное отражение. Лицо художника стало моим. И тут мне захотелось закрыть глаза, подремать, забыться и уплыть в далекое-далекое...

Я сплю. Кудрявые облака заплетаются в снежные косы. Распускаются лиловые ирисы, синие волны вздымаются вверх. Ван Гог приветливо улыбается мне.

Я сплю. Звездная ночь заплетается в мягкую рыжую пряжу. Рыжая пряжа вытягивается в закатную нить. Сейчас тысяча девятьсот восемьдесят девятый год. Вместе Винсентом Ван Гогом мы лежим в клинике для душевнобольных. Прекрасный город Сен-Реми-де-Прованс укрывает нас от монстров. Назовите нас сумасшедшими, и мы весело кивнем вам в ответ. Ведь мы – не само сумасшествие. Но те, кто пытается его укротить. Превратить сон в реальность. Хотите знать, кто действительно сумасшедший? Тот, кто создает Ван Гогов и Колинов Вудов.

Мы перемещаемся в пространстве. Идем по протоптанной старой тропинке. Ветер гладит широкой ладонью золотистую гриву полей. Нам нужно успеть запечатлеть перезревшее солнце, которое упало на землю и разбрызгало повсюду свою мякоть. Винсент называет это явление простым словом «закат». Он говорит, что ночь уже близка, и мне пора возвращаться в дом слез. Я неохотно просыпаюсь.

Вы ничего не поняли и, возможно, даже ужаснулись. Не

сошел ли Колин Вуд с ума? Спешу вас обрадовать, подобных наркотических снов в моем рассказе больше не будет. С тех пор я боялся причинять вред дому, так как понимал, что он может меня свести с ума – легким щелчком. Он действительно был живым, вот что меня пугало больше всего.

Я очнулся и обнаружил, что стою, уткнувшись носом в картину Ван Гога «Пшеничное поле». Как странно. Либо здесь картины и двери меняются местами, либо дом играет с моим воображением. На удивление мне было совсем не страшно, происходящее воспринималось как сновидение, в котором невозможно причинить себе вред. Поэтому я спокойно развернулся, открыл первую дверь и вошел в комнату. На письменном столе меня ждала зеленая тетрадка в клетку. Что-то подобное всем школьникам выдают на первых занятиях по письму. Я подошел к столу, взял в руки тетрадь. Маленькие букочки запрыгали на языке.

Дневник Джона Форда.

Запись первая.

Уже четыре дня я чувствую необычное головокружение. Никогда подобного не испытывал. Я вижу во снах отца. Он говорит, что разочарован во мне.

Запись вторая.

Головокружение не отступает, все стало гораздо хуже. Теперь я вижу не только отца, но и мать, постепенно собирая пазл своего забытого детства. Дом слез – это музей воспоминаний.

наний. Бесконечное количество дверей и коридор, которому нет конца.

Запись третья.

Я набрал достаточно информации о монстрах Виктора Бормана за два месяца пребывания в этом проклятом месте. Оказывается, нас разводят в мире людей, как маленькую тлю, чтобы потом выдавить все соки. В доме слез мы перестаем быть людьми, превращаемся в газированные напитки, шипящие и брызгающие слезами во все стороны, стоит нас только открыть. Стоит нас только встряхнуть.

Запись четвертая.

Прошло полгода, за это время я вспомнил все. Если мне удастся каким-нибудь фантастичным способом выбраться отсюда, первым делом я найду и убью отца.

Запись пятая.

Каждый раз, когда я обращаюсь к воспоминаниям, внутри меня все рвется. Тело сковывает паралич, из глаз струятся слезы. Мне невыносимо больно от осознания того, что в мире людей я был никому не нужен. Это сводит с ума.

Запись шестая.

Я долго гнал от себя эту мысль, но больше не могу. Мне кажется, я превращаюсь в монстра. Каждый раз, когда я теряю слезы, внутри меня происходят превращения. Сегодня я взглянул на картину под названием «Сын человеческий» и увидел в ней собственное отражение. Моя кожа стала мертвенно-бледной, гладкой, как глянцевые стены в этом доме.

Запись седьмая.

Прошел год. Я слышал, что на сто двадцать шестой этаж прибыл новичок по имени Дэнни. Дом его выпил за неделю. Дэнни больше нет, теперь он один из них.

Запись восьмая.

Не могу думать. Трудно писать.

Запись девятая.

Один. В пустоте.

Запись десятая.

Джон хочет есть.

Запись последняя.

Есть.

Бедный Джон. Прошло больше года, прежде чем он сошел с ума, хотя некоторым было достаточно и недели. «Нас разводят, как тлю». Что это могло бы значить? Дом слёз – это фабрика по производству монстров? Странное ощущение после дневника...

«Почему мне не страшно? – смутился я. – Я не хочу бежать и искать выход. Здесь нет выхода».

Я поднес дневник Джона к глазам. Обыкновенная бумага, ничего необычного. Кроме нескольких свежих разводов – вода? Или, возможно, слезы. Я дотронулся до одного пятна. У меня вновь закружилась голова. Стол с тетрадями рассыпался, превратился в пыль, комната поплыла перед глазами. Я зажмурился, сжал кулаки. Мое тело снова падает в темно-

ту, его уносит время и пространство обратно в человеческий мир.

Через несколько секунд ноги коснулись твердой земли. Я открыл глаза и обнаружил себя... В учительской?.. Рядом Джон, его родители и завуч Шерли Гарлон. Они бурно что-то обсуждают. Ш-ш-шерли – так мы с одноклассниками протягивали ее имя, пытаясь придать ему форму огромного танкера, терпящего крушение в «тихом» океане нашей учебной деятельности. Если выразиться совсем просто, приход Шерли Гарлон в наш класс знаменовал конец света. Каждое ее появление я удачно пропускал, ссылаясь на то, что моя мама забыла выключить утюг и мне нужно как можно скорее вернуться домой.

Да, Виктор Борман подловил меня, когда сказал, что я люблю обманывать. Но вам, мои читатели, я никогда не лгал. Разве что упускал незначительные детали. Например, детали своей внешности. Но какая разница, какие волосы – рыжие или темные – будет трепать ветер, когда я сбегу из дома слез? Вы бы поменяли мнение обо мне, будь я чернокожим? Надеюсь, что нет.

Джону всегда плохо давалась учеба, поэтому он был частым гостем Шерли Гарлон. Сейчас этот девятилетний мальчик стоял в центре учительской, испуганно оглядываясь по сторонам, временами он пытался спрятаться за спиной Спенсера Форда. Мое же присутствие для всех осталось незамеченным. Я был чем-то вроде приведения.

– Ваш сын не усваивает школьную программу, – сказала Шерли. – Он отказывается даже взять ручку с парты и решить простое уравнение.

– Это все из-за незнакомых ребят, – ответила миссис Форд. – Вы же знаете, Джон плохо переносит изменения в коллективе. Пройдет месяц, может быть два, и тогда он адаптируется.

– Он отстанет от программы. Перетасовка в коллективе происходит каждый год, и что же теперь? Джон всегда будет белой вороной? Это только усугубит ситуацию. Я думаю, вам стоит обратиться к психотерапевту.

– Джон нормальный, – сказала миссис Форд. – Ему не нужен психотерапевт.

Спенсер Форд взял за руку жену и произнес ей на ухо:

– Я поговорю с Джоном с глазу на глаз. Не понимаю, зачем его пригласили в учительскую вместе с нами.

Миссис Вуд согласно кивнула.

– Спасибо вам за рекомендации, – обратилась она к Шерли Гарлон. – Мы поговорим с Джоном и постараемся решить проблему без помощи психотерапевта.

– Ему нужна социальная адаптация. Запишите его в кружок по интересам. Ребенок должен учиться, а не считать ворон.

Спенсер Форд взял Джона за воротник и повел к выходу. За ними пошла миссис Форд, я – следом.

– Мне нужно заехать на работу, – сказала миссис Форд по

пути. – Дома остался куриный суп. Как вернусь, приготовлю гуляш.

– Разумеется, дорогая. Мы будем тебя ждать.

Джон и Спенсер сели в машину.

– Что случилось? – строгим голосом спросил Спенсер. – Как долго ты будешь позорить нас с матерью?

– Ничего не случилось, – тихо ответил Джон. – Просто... мне страшно, когда вокруг кричат люди.

– На тебя кто-то кричит?

– Да.

– Ну и кто? Говори прямо. Почему из тебя вечно нужно все вытягивать?

– Все кричат.

Лицо Спенсера было мрачным.

– Ты в курсе, что у нас есть другие проблемы, Джон? Ну конечно, ни черта ты не в курсе. Только попробуй загреметь в дом слез. Я тебя оттуда забирать не буду.

– В дом слез?

– Да, в дом слез. Ты знаешь, что это за место?

– Нет, не знаю.

– Что ж, я тебя просвещу. Если учителя решат, что ты необычный мальчик, Джон, тебя увезут в такое место, где не будет ни твоих любимых книг, ни фильмов про человека-паука, ни твоей коллекции lego. Даже нас, мамы с папой, там не будет. Я знаю, о чем говорю. Потому что я был в этом доме, Джон. Самое худшее время в моей жизни. Если ты не хочешь

попасть туда, будь послушным мальчиком и выполняй все требования учителей. Играй с ребятами. Не стой манекеном в углу. Чаще разговаривай, делись своими открытиями.

Джон молчал, прижавшись щекой к боковому стеклу автомобиля.

– Ты меня слышишь?! – сорвался Спенсер. – Джон!

– Да, папа.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! Повернись!

Джон робко взглянул на отца.

– О чем я только что говорил? Повтори.

Джон молчал, перебирая в руках маленькую связку ключей. Именно в этот момент я ощутил, как он сильно хочет вернуться домой. Я это четко осознавал, как будто сидел на месте Джона. Чувствовал все то же самое, что и он.

– Вот почему на тебя все кричат. Ты иначе не понимаешь, – сделал вывод Спенсер. – Дома я тебе устрою порядочную порку. Тогда заговоришь.

– Папа... ты рассказывал мне про дом слез, – неохотно произнес Джон. – Что я там окажусь, если не буду слушать учителей.

Спенсер глубоко вздохнул.

– А я уж грешным делом подумал, что ты совсем дурачком стал. Ну хоть человеческая речь до тебя доходит. Ты не попадешь в дом слез. Эти монстры ни черта не получают. Утрутся. Маме ничего не говори. Ты понял?

– Да.

Джон немного помедлил, глядя в недовольное лицо отца. Затем опустил глаза на педаль газа, сжал в ладонях ключи от дома и спросил дрожащим голосом:

– Папа... мы уже может поехать?

Меня резко подбросило в воздух, как на карусели «орбита», где у людей прихватывает сердце, и они просят остановить аттракцион, хотя их никто не слышит. Несмотря на абсурдность происходящего, я был абсолютно спокоен, так как знал, что это всего лишь сон. Чужой сон. Аттракцион, который способен разве что напугать, но никак не убить.

Невидимая сила собирала пазлы воспоминаний Джона, чтобы показать мне полную картину событий. Удивительно. Сначала передо мной материализовался книжный шкаф, а спустя секунду – разбросанные по полу книги. По маленьким кусочкам собрались Спенсер, Джон и миссис Форд.

– Иди в свою комнату, Джон! – крикнула миссис Форд. – Сейчас же!

– Нет, – злобно прохрипел Спенсер. – Никуда он не пойдет. Ему через три месяца стукнет десять лет. Я в этом возрасте работал на стройке по десять часов! Каждый день! А не сидел и не пялился в монитор. Он уже не маленький мальчик и должен отвечать за свои слова! Две недели назад клялся мне, что возьмется за учебу!

– Джон, прошу тебя, уходи, – попросила миссис Форд. –

Нам нужно поговорить с твоим папой с глазу на глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.